

ков, является указание на их происхождение. К сожалению, во многих случаях для собраний ГМИИ нет возможности установить происхождение памятников. Однако даже тогда, когда соответствующие указания имеются в «Описании» Б. А. Тураева¹, В. В. Павлов не считает нужным их привести, хотя многие данные о собрании Голенищева имеются в архиве ГМИИ.

Не установив сущности понятия «малая пластика», В. В. Павлов, естественно, не мог быть последовательным в отборе вещей, так как, повторяем, грань между ею и монументальной скульптурой можно установить только условно. Публикуя скульптурную группу супружеской четы (фронтиспис), высота которой достигает 50 см, он почему-то опускает некоторые статуэтки, изданные в свое время Б. А. Тураевым и В. К. Мальмбергом, хотя их величина значительно меньше². Таким образом, неизвестно, чем руководствовался В. В. Павлов, отказываясь от включения этих статуэток в свою книгу, а читатель остается при ошибочном представлении, что его вниманию предлагается описание всего собрания малой пластики ГМИИ, так как никаких соответствующих оговорок нигде не сделано.

Неясно, какой принцип положен в основу последовательности описаний: если хронологический, что представляется наиболее вероятным и наиболее логичным, то непонятно, почему таблицы 30—31 отделены от таблиц 36 и 37, хотя относятся к тому же периоду Амарны, и почему группа, датируемая IV династией (табл. 4), следует после статуэтки V династии (табл. 3) и т. д.

Выше уже отмечалось, что в общем описания памятников удачны и стоят на должном методологическом уровне, однако в отдельных случаях они сводятся только к описанию и формальному анализу. Имеются также немногочисленные случаи, когда неясными остаются мотивы, заставляющие В. В. Павлова датировать некоторые памятники тем или иным временем. Например, почему статуэтку носильщика (табл. 19) следует отнести к началу Среднего царства, а не к концу Древнего?

В. В. Павлов тщательно потрудились над каждым описанием в отдельности, и ему удалось поэтому почти полностью избежать ошибок и неточностей. Во всяком случае их немного. Отдавая должное трудам В. К. Мальмберга, не следует все же называть его «крупнейшим египтологом своего времени» (стр. 7). Это не только не соответствует истине, но и несправедливо по отношению к памяти других ученых того времени, в частности Б. В. Фармаковского. Непоследовательна и неверна порою транскрипция египетских собственных имен. Нельзя писать имя царицы Яхмосенофритари — Ахмосенофритари (стр. 48). Это заимствование французской огласовки. Ведь тут же сам В. В. Павлов говорит о ее супруге фараоне Яхмосе I, правильно называя его. Под влиянием, видимо, той же иностранной литературы, на которую автор ссылается, имя Уах-иб-Ра передается «Уах-аб-Ра» (стр. 55), а Тетишери — Тетишера (стр. 48).

Книга написана легко и доступно, однако встречаются и неудачные выражения, режущие слух. Так, едва ли стилистически приемлемы фразы — «появляются совершенно иная трактовка образа и другая... организация лица» (стр. 32); «... наш писец без труда укладывается в портретное искусство» (стр. 39). Подобного рода примеры можно умножить. Опечаток немного, но не все они отмечены. Так, книга бельгийского египтолога Капара вышла не в 1940 г., а в 1904 (стр. 6), что, впрочем, далее верно указывается в примечании. Модель лодки датируется не II, а XII династией (стр. 45).

Книга оформлена тщательно, издана на хорошей меловой бумаге, большинство клише удачно, но некоторые все же недостаточно четки — например, таблицы 4, 59, 61, правый ушебти на табл. 44. Жаль, что издательство не снабдило книгу переплетом. Конечно, монография эта специальна, но, принимая во внимание огромный интерес в нашей стране к культурному наследию прошлого и наличие тысяч библиотек, следует признать, что тираж в 2500 экз. явно недостаточен. Она скоро сделается такой же би-

¹ См., например, №№ 4, 18, 19, 31, 35 и т. д. по «Описанию» Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга.

² Там же, № 12 — выс. 33 см, № 18 — выс. 14,3 см и т. д.

блиографической редкостью, как ее предшественница — «Описание» Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга.

Остается пожелать, чтобы В. В. Павлов продолжил удачно начатую им публикацию сокровищ, хранящихся в отделе Востока ГМИИ. Там их еще много, и ознакомление с ними советского читателя — дело нужное и благодарное.

И. С. Кацнельсон

В. ТАРН, Эллинистическая цивилизация. Перевод С. А. Ляскового. Предисловие С. И. Ковалева, М., 1949, 372 стр., цена 19 руб.

Перевод фундаментального труда В. Тарна, самого крупного английского специалиста по истории эллинизма, должен, с одной стороны, познакомить советского читателя с новым обширным материалом, с другой — воочию показать порочность его концепции, его фальсификацию истории эллинизма. Правда, Тарн не махровый реакционер, не Ростовцев, но именно потому, что его модернизация более завуалирована и узнать его подлинную сущность труднее, именно поэтому важно было дать советскому читателю эту книгу так, чтобы он мог взять нужный ему фактический материал и самостоятельно в нем разобраться, если он даже и не является специалистом по истории эллинизма. Само издание перевода полезно по ряду соображений. Настоящий труд Тарна посвящен эллинистической цивилизации. Такой работы, строго говоря, еще не появлялось. Предыдущие труды по истории эллинизма ставили другие задачи. И только данная книга посвящена изучению эллинистической цивилизации в целом. Притом автор понимает слово «цивилизация» в широком смысле: сюда входят и социально-экономические отношения, и явления культуры в обычном понимании этого слова — литература, наука, искусство и философия. В книге использованы многочисленные источники: античные авторы, надписи, папирусы, археология; интересны данные о ценах на рабов (гл. III, стр. 112), данные об экономике эллинистического Египта (гл. V) и Азии (гл. IV). Много материала и об эллинистической торговле (гл. VII). Очень компактно даны главы по культуре. Несмотря на их неполноту и конспективный характер они все-таки представляют основной материал по литературе, искусству, философии и религии эллинизма.

К сожалению, книга издана без достаточного раскрытия концепции Тарна, и, что всего хуже, опущены в некоторых случаях те места, которые ярче всего показывают эту концепцию. Нет также того научного аппарата, который есть в английском издании. Нет ни указателя, ни библиографии. Примечания в книге — перевод примечаний самого Тарна, притом они даны так, что не всегда понятны даже специалисту. Многие заграничные издания даны в сокращениях, а список сокращений не приложен.

Но ведь нужно не это. При переводе работ крупных буржуазных ученых надо было дать примечания, которые бы ориентировали читателя, указывали на принципиальные ошибки и извращения Тарна, на неправильные толкования фактов, на новые исследования советских ученых по тому или иному вопросу, неправильно освещенному у Тарна. Но ничего подобного нет, и читателю предоставляется некритически следовать за Тарном. Это большая вина редактора и издательства.

Еще важнее другой недостаток. Перевод дан не полностью, выпущены некоторые, весьма характерные места. Например, в конце книги (стр. 323 оригинала) Тарн, подводя итог всей своей работе, говорит о том, что эллинистический мир представляет особенный интерес именно потому, что из него произошло христианство и что эллинизм проложил путь христианству. Далее автор заявляет, что эллинизм признавал бессмертие только некоторых выдающихся людей, не был основан на «любви» и «гуманности», не обращался к беднякам, мытарям и грешникам. § «Те, кто работал и был тяжело обременен, должны были радостно приветствовать новую надежду, отличную от всех тех, которую мог предложить им эллинизм». Книга заканчивается заявлением о том, что «эллинизм выместил дорогу христианству». Таким образом, Тарн видит главный смысл и «актуальность» всей своей работы именно в том, что эллинистическая цивилизация

была основой, из которой выросло христианство. Конечно, раннее христианство было прогрессивным явлением, но ведь нельзя считать всю эллинистическую цивилизацию только фундаментом христианства. И вот этот абзац, имеющий такое большое значение для понимания концепции автора, устраняется редакцией. Для чего? — Чтобы затуманить истинную идеологию автора, так сказать, «причесать» его, сделать его более приемлемым для советского читателя. Такого рода редактирование только усыпляет бдительность и разоружает читателя.

В начале работы имеется еще более вопиющий пропуск. В характеристике эпохи эллинизма выброшены именно те места, которые ярко говорят о модернизации автора. Тарн, сравнивая эллинизм с современностью, пишет: «Сходство этого мира с нашим с первого взгляда почти поразительное. Это был такой же самый комплекс государств, больших и малых, с различными государственными формами; некоторые из них были более передовыми, чем другие, развивающиеся в границах общей цивилизации; и кроме некоторых явлений, упомянутых выше, было много других, которые очень сходны с современными. Таково вечное противоречие между ценами и заработной платой; социализм и коммунизм, стачки и революция; рост идей гуманности и братства, соединенный с дикими распрями; эмансипация женщины и сокращение населения; вопросы свободного голосования и (возможно) представительства; эмиграция и пролетариат; точные знания и рядом с ними грубые суеверия; обширная литература, охватывающая все сферы человеческой деятельности, часто компетентная, но уже не выдвигающая писателей, равных писателям прошлого; распространение образования, в результате чего создаются массы полубразованных; появление более сознательной пропаганды» (стр. 4 оригинала). Все это выпущено; оставлено только то место, в котором Тарн останавливается на различиях между современным обществом и эллинистическим (стр. 21 сл. перевода). Повидимому, это снова сделано для того, чтобы смягчить позиции Тарна, сделать его более приемлемым для советского читателя.

Иногда по линии смягчения модернизаторских взглядов Тарна идет и сам перевод текста. Так например, на стр. 4 (оригинала) автор пишет: «Мало сходства между египетской и новой стачкой или между новым коммунизмом и коммунизмом стоиков» (There is little resemblance between an Egyptian and moderne Strike or between modern and stoic Communism) (стр. 22 перевода). Перевод в русском издании дан в более решительных выражениях, чем у Тарна. «Стачка в Египте и современная стачка непохожи друг на друга, так же как нет сходства между современным коммунизмом и «коммунизмом» стоиков (стр. 22 перевода). Автор говорит о малом сходстве, а не об отсутствии сходства, как это дано в переводе. Точно так же он «коммунизм» стоиков не берет в кавычки, как это сделано в переводе.

Предисловие С. И. Ковалева в гораздо большей степени посвящено проблеме эллинизма, чем критике концепции Тарна. Автор предисловия стремится дать основные выводы советских историков по эллинистической эпохе. Некоторые его утверждения бесспорны. Например, тезис о том, что эпоха эллинизма является определенной стадией в развитии рабовладельческого общества, что благодаря большему развитию производительных сил она была прогрессивной сравнительно с временем классической Греции. Но наряду с этими вполне признанными положениями имеется и ряд еще недоказанных. Так, едва ли возможно сводить различные формы зависимости «царских земледельцев» в Египте, а также зависимого населения в царстве Селевкидов к особой форме примитивного рабства и ставить знак равенства между их положением и положением илотов в Спарте или пенестов в Фессалии. Последние во многом отличались от «царских земледельцев» Египта или зависимого населения царства Селевкидов. Все же, отдавая должное общей концепции эллинизма у автора предисловия, мы должны сказать, что концепция Тарна раскрыта им далеко недостаточно. Признавая общую модернизаторскую сущность концепции Тарна, он все же полагает, что «Тарн, в основном, стоит на прогрессивных позициях, и это позволяет ему высказывать ряд верных суждений» (стр. 7).

Обратимся к сущности концепции Тарна. Из-за недостатка места мы остановимся лишь на двух сторонах мировоззрения Тарна: модернизации и отношении к рабству.

Главная, основная черта его взглядов — это м о д е р н и з а ц и я эпохи эллинизма: ее экономики, социальных отношений и культуры, несмотря на то, что он часто стремится на словах отгородиться от модернизации.

Модернизаторские по существу взгляды Тарна находят выражение в целом ряде положений его работы. Так, в главе III Тарн говорит о капитале и «банках» в эпоху эллинизма. Правда, он признает, что банковое дело было главным образом развито в Риме, но от этого его модернизаторская концепция не меняется. Вряд ли стоит говорить о том, насколько эта концепция, имеющая своей целью доказать «незыблемость» и «извечность» капиталистического общества, идет вразрез со всем фактическим материалом; насколько, например, непохожи на современных банкиров античные трапезиты, занимавшиеся главным образом обменом денег, трапезиты, которые никогда не стояли во главе греческих государств, значительная часть которых была метеками и не имела минимальных гражданских прав.

В своей модернизации Тарн идет еще дальше и говорит даже о «стачках» и «профессиональном движении» в античности. Он пишет: «В III в. до н. э. и позже часто происходили настоящие стачки: стачки рудокопов, каменотесов, гребцов, рабочих всякого рода, царских крестьян, лавочников, полицейских, даже чиновников» (гл. V, стр. 184). Уже из контекста видно, что речь идет обычно не о стачках, а о бегстве людей с обрабатываемой ими земли или из мастерской. В связи с этим остро стоял вопрос о праве убежища храмов.

Не довольствуясь признанием «стачек» в античности, Тарн далее говорит о существовании «профессиональных союзов». Так, он пишет о возникновении их, правда, только во II в. н. э. (стр. 126). На самом деле, подобно тому как Тарн называет стачками простое бегство населения, так и здесь он считает «профессиональными союзами» коллегии, многие из которых состояли из лиц одинаковых профессий.

Тарн часто совершенно неуместно употребляет термин «социальная революция». Оказывается, например, что в Азии Митридат VI поощрял «социальную революцию». Тарн считает, будто возстание Аристоника в Пергаме выработало даже «теорию», которая может быть названа социалистической (стр. 129). Он признает существование «стоического коммунизма». Так, разбирая утопию Ямбула, он пишет, что «стоический коммунизм» проявляется уже в своем зрелом виде (стр. 127).

Второй наиболее важный вопрос в концепции Тарна — это проблема рабства. Несомненно, что здесь он пошел значительно вперед по сравнению с другими буржуазными учеными. Он пишет: «Для того, чтобы видеть эллинистическое общество в его подлинном облике, никогда не следует терять из виду его рабской основы» (стр. 22). В этом, несомненно, его большая заслуга. Но, к сожалению, такая формулировка является в значительной степени декларацией. В действительности же в его изображении рабство совсем не имеет для него такого значения, как он утверждает. Правда, хорошо разработан вопрос о ценах на рабов. Интересно замечание о том, что раб, воспитанный в доме, ценился выше пленника. Красочно рассказано о торговле рабами на Делосе, где продавалось в день до 10 тыс. рабов (стр. 239). Но о значении труда рабов в производстве почти не упоминается. Делая обзор крупнейших эллинистических стран — Сирии и Египта, автор нигде не останавливается на рабском труде. Он обстоятельно пишет о «крепостном труде» в Азии, о «полукрепостных» в Египте, но нигде не говорит о труде рабов в этих странах. Даже говоря о ремесленных мастерских в Александрии и Пергаме, он наряду с рабским трудом всюду упоминает о труде крепостных: «Кроме Милета промышленными городами были Александрия и Пергам, с их крепостными рабскими мастерскими, и Тир» (стр. 227).

Особенно характерно для Тарна стремление представить рабство безобидным и мягким. Жестоко, по его мнению, с рабами обращались только в рудниках, а вообще с ними якобы обращались вполне человечно. «Но обычное домашнее рабство часто не было жестоким» (стр. 111). На самом деле, если такие случаи и бывали, то это было как раз исключением из общего правила. Настоящее положение рабов было совсем другим. «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника

производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»¹.

Факты говорят нам именно о таком обращении с рабами, и даже сам Тарн, несмотря на свое идиллическое изображение рабства, вынужден признать, что даже вольноотпущенники были фактически лишены свободы. Так, например, рабыня, отпущенная на свободу, «могла быть закована, высечена и даже продана» (стр. 111). Если так обращались с отпущенными на волю, то естественно, что с рабами поступали не мягче.

Весьма показателен для концепции Тарна тезис о затухании классовой борьбы, о стирании граней между рабовладельцами и рабами. «Таким образом, заметен процесс ломки классовых и расовых рамок. В I в., когда богатый человек устраивал пир для своих товарищей-граждан, он часто приглашал метеков, вольноотпущенников и даже рабов» (стр. 110).

Итак, хотя Тарн и пишет о том, что рабство было фундаментом рабовладельческого общества, на практике этого не видно в его работе, да и понимание рабства и рабовладельческих отношений у него неправильно.

Подводя итог, следует сказать, что выход перевода работы Тарна можно было бы считать, несомненно, положительным явлением, если бы книга была издана так, чтобы читатель мог, взяв из нее нужный фактический материал, в то же время правильно оценить модернизаторскую концепцию автора. К сожалению, книга так не дана. Это должно быть учтено при издании переводов других работ буржуазных ученых по истории античности.

Ю. С. Крушкова

G. THOMSON, Studies in ancient Greek society. The prehistoric Aegean, Lawrence and Wishart, 1949, 622 стр.

Английский историк античной литературы Дж. Томсон уже известен своей книгой «Эсхил и Афины» (Aeschylus and Athens, 2 изд., Л., 1946), вызвавшей резкую критику в буржуазной печати, хотя, вместе с тем, такие столпы английской буржуазной филологии, как Мёррей и Майрс, отмечали, что, «вопреки» своему марксизму, книга имеет и достоинства. Первые главы той книги представляли собою историческое введение в изучение общественного строя и культуры античной Греции. Теперь автор решил расширить и детализировать материал этих вводных глав и издать его в виде особого исследования в двух томах, первый из которых является предметом настоящей рецензии.

Выход книги Дж. Томсона является выдающимся событием в научной жизни современной маршаллизованной Англии, в которой преследование передовых идей мало в чем отстает от США. В предисловии автор открыто определяет свою задачу как и е-р е-с м о т р к у л ь т у р н о г о н а с л е д с т в а (legacy) а н т и ч н о й Г р е ц и и в с в е т е м а р к с и з м а. Он считает, что правильный исторический взгляд на культурное наследство античной Греции имеет большое значение для современной борьбы за гуманизм. Томсон считает, что изучение наследства античной Греции должно перестать быть приятным времяпрепровождением для имеющего досуг избранного меньшинства, ищущего именно в этом занятии убежища от запросов современности. «Мы должны вырвать, — заявляет он, — наше эллинское наследство из рук ученых мандаринов, — иначе оно погибнет от их ханжеского почитания» (стр. 7).

Заявление о стремлении следовать марксистскому историческому методу подкрепляется тем, что в списке использованной литературы приводятся «Капитал» К. Маркса, переписка К. Маркса и Ф. Энгельса, три работы Ф. Энгельса («Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и «Происхождение семьи...»), «Избранные произведения» В. И. Ленина (лондонское однотомное издание) и работа И. В. Сталина «О диа-

¹ «История ВКП (б). Краткий курс», стр. 119.

лектическом и историческом материализме». Указывается также ряд работ советских ученых (Е. Кричевского, Е. А. Кагарова и др.).

Рецензируемая книга «Исследования древнегреческого общества. Допристорическая Эгганда» состоит из введения и пяти больших разделов: I. Родовой строй (Kinship); II. Матриархальные отношения (Matriarchy); III. Коммунизм (первобытный. — Б. Г.); IV. Героический век; V. Гомер. Композиция книги очень своеобразна. В первом разделе четыре главы: 1) Тотемизм, 2) Номенклатура родства, 3) От племени к государству, 4) Греческие племенные институты (правовые). Непосредственно с этим связаны две главы из третьего раздела: о земельных отношениях (гл. 1-я) и об образовании полиса (гл. 3-я). Весь второй раздел и тесно связанная с ним 2-я глава третьего раздела посвящены вопросам отражения общественных отношений в религии и мифах. Содержание последних двух разделов (IV и V) в особых пояснениях не нуждается.

В «Введении» (стр. 21—29) Томсон начинает с очень общей характеристики хозяйственной деятельности неолитического человека, вступавшего на новые территории, постепенно освобождаясь от ледника. Переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству дан автором схематически. Далее он бегло касается древнейших очагов человеческой культуры в Нильской долине и в Двуречье. Здесь он довольно близко следует Чайльду, книга которого «Прогресс и археология» была недавно издана и в русском переводе. Лишь последние три страницы этого «Введения» касаются непосредственно Греции и Крита.

Достоинства этого «Введения» безусловно переоценены рецензентом «Communist Review» (август 1949 г., стр. 629) Б. Фаррингтоном, увидевшим здесь строго проведенную марксистскую точку зрения. Возникновение городов, как и у Чайльда, не связывается со становлением классового общества, с разрушением первобытно-общинного строя, с отделением ремесла от земледелия и скотоводства. Древнейшие города представляются Томсону прежде всего торговыми поселениями. Томсон, повторяя положение Чайльда об «урбанистической революции», говорит (стр. 26), что развитие морского транспорта будто бы открыло этой «революции» двери в Средиземноморье. Устанавливая «минойский» тип города как центра монархической власти купеческо-теократического характера (монарх-купец и он же верховный жрец), Томсон относит к городам этого типа Микены, Тиринф, Фивы и Трою, но отмечает, что на континенте аристократия играла большую роль, чем на Крите. Он считает, что «урбанистическая революция» в Средиземноморье разрушила племенную структуру общества, создав зачатки его классового деления.

Во всем первом разделе можно не задерживаться на частностях. Томсон здесь добросовестно следует взглядам Моргана и отчасти Энгельса. Эпиграфом ко всему разделу он ставит слова Фукидида (I, 6) о том, что некоторые считают, будто древнейшие греки вели варварский образ жизни. Однако точку зрения Энгельса Томсон понимает очень «широко» и считает иногда вполне согласуемыми с нею некоторые взгляды Спенсера и Фрезера на происхождение тотемизма и табу.

Изложив затем весьма подробно вопрос о номенклатуре родства у различных первобытных народов Австралии, Полинезии, Америки и Африки, Томсон возвращается (стр. 78 сл.) к древним народам Средиземноморья и, прежде всего, излагает свою точку зрения на индоевропейскую семью языков. Эту семью он возводит к единому «пранароду», обитавшему в какую-то эпоху (автор ее не датирует) в обширных степях «к востоку от Украины». Ссылаясь на статью Майрса (САН, I, 83 сл.), Томсон определяет быт этого «пранарода» как кочевой пастушеский, а территорию его — как леопределяет быт этого «пранарода» до н. э. этот «пранарод», оставивший, по его мнению, свои следы в неолитических курганах южной России, начал распадаться и расселяться во все стороны. Однако данные языка указывают, по мнению Томсона, на знакомство во все стороны. Однако данные языка указывают, по мнению Томсона, на знакомство «индоевропейцев» с земледелием и металлургией еще до «распадения». Исходя из ранней книги Чайльда (The Aryans, 1926) и работ Мейе, Томсон считает, что «праиндоевропейцы» состояли из ряда кланов, во главе которых находились наследственные по мужской линии вожди, а женщины целиком переходили после брака в клан мужа. В противовес традиционному толкованию буржуазных лингвистов, Томсон дает соб-